

Хамидулин Артем Маратович
Khamidulin Artem Maratovich

Магистр
Master

НГПУ им. Козьмы Минина
преподаватель Нижегородской духовной семинарии
NGPU them. Kozma Minina
teacher of Nizhny Novgorod Theological Seminary

РАДИКАЛЬНАЯ ПОЭТИКА НЕГАТИВНОЙ ТЕОЛОГИИ

RADICAL POETICS OF NEGATIVE THEOLOGY

Аннотация на русском языке: В данной статье рассматриваются проявление радикального апофатизма в немецкой и отечественной поэзии. Анализируются примеры проявления апофатизма в поэзии на примере стихотворения поэта и переводчика Пауля Целана и философа и логика А.А. Зиновьева. Делается вывод о необходимости наличия сакрального расстояния между Богом и человеком, на что в своей радикальной форме указывает поэзия негативной теологии.

The summary in English: This article examines the manifestation of radical apophatism in German and Russian poetry. Examples of manifestations of apophaticism in poetry are analyzed on the example of poem by poet and translator Paul Celan and philosopher and logic of A.A. Zinoviev. It is concluded that there is a need for a sacral distance between God and man, which in its radical form is indicated by the poetry of negative theology.

Ключевые слова: апофатика, негативная теология, поэзия, Целан, Зиновьев, Марион.

Keywords: apophatic, negative theology, poetry, Celan, Zinoviev, Marion.

Апофатический метод, берущий начало в философии платонизма и, получивший значительное развитие в христианском богословии, заключается в определении чего-то или кого-то, например, Абсолюта, Бога, путем последовательного отрицания того, чего Он не является. Интересно то, что апофатический принцип являлся всегда не прост интеллектуальным упражнением, но попыткой передачи личного ощущения, восприятия божества.

Рассмотрим для начала проявление негативной теологии в поэзии на примере творчества Пауля Целана. В данном случае нам особенно интересно одно из стихотворений Пауля Целана «Псалом»: «Нас вновь из глины и из праха не вылепит Никто, / и не благословит земную персть –в / Никто! / Хвала Тебе, Никто! / Тебя возлюбим / И да предстанем / пред Тобой / в цвету. / Вот

мы – ничто – так было, есть и будет, – цветок небытия. / Вот – роза Никому. / В ней пестик – светлый перст души, / тычинок прах из пуст-небесья / и красный венчик – пурпур слова, что мы пропели, / о, над самым/над острием шипа» (Niemand knetet uns wieder aus Erde und Lehm./ niemand bespricht unsern Staub./ Niemand./ Gelobt seist du, Niemand./ Dir zulieb wollen/ wir bluhn./ Dir/ entgegen./ Ein Nichts/ waren wir, sind wir, werden/ wir bleiben, bluhend:/ die Nichts, — die/ Niemandrose./ Mit/ dem Griffel seelenhell,/ dem Staubfaden himmelswust,/ der Krone rot/ vom Purpurwort, das wir sangen/ uber, o uber/ dem Dorn) [4].

Лаку-Лабарт, помимо указания на то, что по форме и содержанию это стихотворение можно назвать молитвой, говорит об авторе вышеприведенных строк следующее: «Очевидно, что Бог — тот, кого *именуют* Богом, — стал для него безымянным. Открытие безымянности Бога — это грандиозное историческое свершение (сравнимое с Откровением). Или даже завершение истории. Растворение Бога (явленного в Откровении) в безымянности — это целый этап истории, переворот в религиозных представлениях» [1, с. 93]. Хотя и сохраняется некая, пусть и только по форме возможность молитвы, здесь говорится о полном апофазисе, не только о смерти Бога, но и о исчезновении Его имени, более того, здесь говорится и о исчезновении человека. Получается, что сам Бог освободил нас от Своего присутствия, и о Нем мы можем сейчас лишь сказать «Ничто», т.е. самым радикальным образом отстранится даже от всякого наименования (зная при этом, что Он все же парадоксальным образом *есть*). Как далее замечает Лаку-Лабарт такое, пусть даже радикальное, отдаление Бога и человека необходимо, для того, чтобы сохранить дистанцию между конечным человеческим и бесконечным божественным, ибо богоявление в чистом виде способно уничтожить человека (даже Моисею открылось только «задняя Божия»).

В связи с поднятой темой негативной теологии и поэзии уместным представляется привести стихотворение отечественного философа, логика,

социолога и писателя советского периода А.А. Зиновьева под названием «Молитва верующего безбожника», которое также может быть истолковано с точки зрения апофатики: «Установлено циклотронами / В лабораториях и в кабинетах: / Хромосомами и электронами / Мир заполнен. / Тебя в нем нету. / Коли нет, так нет. Ну и что же? / Пережиток. Поповская муть. / Только я умоляю: Боже! / Для меня ты немножечко будь! / Будь пусть немощным, не всесильным, / Не всесущим, не всеблагим, / Не провидцем, в любви не обильным, / Толстокожим, на ухо тугим. / Мне-то, Господи, надо немного. / В пустяке таком не обидь. / Будь всевидящим, ради бога! / Умоляю, пожалуйста, видь! / Просто видь. Видь, и только. / Видь всегда. Видь во все глаза. / Видь, каких на свете и сколько / Дел свершается против и за. / Пусть будет дел у тебя всего-то: / Видь текущее, больше ни-ни. / Одна пусть будет твоя забота: / Видь, что делаю я, что – Они. / Я готов пойти на уступку: / Трудно все, так видь что-нибудь. / Хотя бы сотую долю поступков. / Хотя бы для этого, Господи, будь! / Жить без видящих нету мочи. / Потому, надрывая грудь, / Я кричу, я воплю: / Отче!! / Не молю, а требую: / Будь!! / Я шепчу, / Я хриплю; / Будь же, / Отче!!! / Умоляю, / Не требую: / Будь!!!!!»

Представляется, что в отличие от стихотворения Пауля Целана, А.А. Зиновьева не удовлетворяет интеллектуалистичное поклонение Богу под именем Никто. «Псалом» Целана может смело рассматриваться в качестве осознанной философской молитвы Апофатическому безымянному Абсолюту (в ином же случае это стихотворение видится лишь ироничным подобием молитвы). В этом произведении ощущается мотив принятия и теологического осмысления секуляризованного европейского общества XX века, проделавшего путь от Бога в лице Иисуса Христа к божественному Ничто. Богословским выражением такого атеизма становится у Целана радикальный теологический «Псалом». В то время как в «Молитве верующего безбожника» Зиновьев, живя в вынужденном атеистическом обществе, далеком от интеллектуальных штудий теологии смерти Бога, ищет и обращается все же к

Богу живому, Богу именуемому. Вопреки сделанной несильно советскому обществу материалистично-атеистической «прививки» советский логик и философ за всеми научно-исследовательскими лабораториями желает увидеть для себя настоящего Бога. С другой стороны, в «Псалме» Целана хотя Абсолют и Ничто, и Никто, но Он существует, и пусть Он уже не может сегодня вновь создать человека, но молитва к Нему возносится, а значит и есть Адресат. В «Молитве верующего безбожника» Зиновьева не чувствуется уверенность в существование Бога, есть желание, чтобы Он был, потребность в том, чтобы Бог был высшим Свидетелем всех поступков. Вера и религиозная в своей основе нравственность, унаследованная Зиновьевым с детских лет, вероятно стала скрытым базисом, который в совокупности с атеистической советской надстройкой привел к парадоксальному феномену верующего атеиста.

Ж. Л. Марион в своей работе «Идол и дистанция», анализируя вопрос о Боге и возникновении идолов (как материальных, так и понятийных), подробно рассуждает о необходимости сохранения этой сакральной дистанции в отношениях Бога и человека, в противном же случае вместо Живого Бога мы сталкиваемся с эрзацами божественности – идолами. При этом происходит присвоение человеком божественного в духе рассуждений Л.А. Фейербаха. Подобная направленность религиозной деятельности, являясь артефактом магического сознания, выражает желание человека получить себе в помощники могущественного и управляемого Бога-заступника. Так возникает идол, который «...характеризуется тем, что бог в нем покоряется человеческим условиям божественного ... [при этом] обличие этого бога слагается из черт, которые придают ему [люди] сообразно [их] ... переживанию божественного...» [2, с. 19]. Выступая конструктом разнообразных человеческих переживаний божественного, такой зафиксированный Бог-идол предоставляется в распоряжение человеку и подчиняется ему. При этом необходимая для личностного общения дистанция между двумя субъектами по принципу Я-Ты пропадает. Как следствие,

поглощение идолом этого сакрального расстояния приводит к доступности божества, но и упраздняет сферу божества как таковую [2, с. 20-21]. И поэтому упразднение радикальной апофатической теологией понятийных идола Бога (Бога ученых и философов) рассматриваются Марионом как то, что в конечном счете может приблизить нас Богу Живому. Таким образом, получается, что существующая между Богом и человеком дистанция, которую фиксирует негативная теология является не только наличной, но даже необходимой. Для сравнения здесь можно привести выражение православного богослова 7 в. Иоанна Дамаскина: «Все сущее удалено от Бога — не по месту, но по природе» (Точное изложение православной веры). Тайна Бога продолжает оставаться тайной, несмотря на многочисленные интеллектуальные попытки Его постижения, которые, согласно этой точки зрения, только затрудняют путь богообщения, которое тем не менее мыслиться осуществимым.

И в этом отношении «Псалом» П. Целана и «Молитва верующего безбожника» А.А. Зиновьева являются примером подобной негативной теологии. Общим для двух этих стихотворных произведений является то, что, несмотря на использование по отношению к Абсолюту радикального апофатического наименования «Ничто» или же явным сомнением в существование Бога, которое стоит за настойчивым желанием Его бытия, оба этих текста постулируют антиномическую личную взаимосвязь абсолютно непостижимого Бога и человека возможной. В этом можно усмотреть классический и парадоксальный христианский подход — несмотря на радикальное отличие Абсолюта и человека, связь между ними удивительным образом возможна.

Литература:

1. Лаку-Лабарт Филипп. Поэзия как опыт. М., 2015.
2. Марион Ж.Л. Идол и дистанция // Символ. 2009. №56.
3. Фокин П.Е. Александр Зиновьев. Прометей отвергнутый. М., 2016.
4. Целан П. «Роза никому» (1963), перевод Натальи Мавлевич, 1999.